

Еще один человек, не повышая и не понижая голоса, продолжил:

— Как может такая простая женщина, как Хэ Ваньцин, быть причастной к столь секретным делам? Скорее всего, ее давно подменили. Какая-то тайная организация, желающая внести смуту в управление династией Великая Чжоу и подорвать нашу государственную основу, тщательно подготовила эту женщину и внедрила ее во дворец. О таких аномалиях мы за пределами дворца не слышали. Если семья Хэ не заметила подмены дочери, то я, ваш слуга, не могу в это поверить.

Еще один человек добавил:

— Вот это да! Эти мятежники и заговорщики незаметно проникли во дворец и даже родили императору наследника, намереваясь таким образом без единого выстрела похитить трон нашей Великой Чжоу. Их преступления заслуживают смерти!

Чем больше они говорили, тем правдоподобнее это звучало. Тот, кто заговорил следующим, был еще резче:

— А является ли наследный принц вообще императорской кровью — еще вопрос.

Он обратился к Гу Цину, сидевшему наверху:

— Как тяжело было вашему высочеству все эти годы сносить такое унижение!

Гу Цин просто ответил:

— Хм.

Эта игра в слова и действия была настолько искусной, что им всем вместе играть в пьесе было бы самое то.

Что касается императора Цзинтая, то он был словно под чарами. Раньше он любил и государство, и красавиц, но теперь красавица заставила его выбирать между ними. Император, недолго думая, в конце концов не склонил чашу весов в сторону государства и предпочел послушать красавицу.

То есть выбрал отречение от престола в пользу наследного принца.

Хотя отречение от престола — это не то, что можно сделать в одно мгновение, но в любом случае следовало поторопиться.

После этого Хэ Ваньцин успокоилась. Она даже не стала обращать внимание на второго принца, этого нежданно появившегося Чэн Яоцзиня. Ведь раз было обещание императора Цзинтая, какое ей дело до каких-то помех?

Кто бы мог подумать, что все изменится в одночасье.

Раньше тоже ходили слухи против Хэ Ваньцин, но ни один из них не был столь громким, как этот. Более того, на этот раз это были не просто слухи, а целый набор различных доказательств: свидетельские показания, вещественные улики — все было в наличии.

Причем все изложено последовательно, логично и обоснованно.

Основой этого обвинения послужила история, которую Гу Цин как-то вечером вкратце рассказал своим доверенным министрам при свечах. Ее дополнили богатыми деталями и убедительными доказательствами.

Ключевым моментом было доказательство, что нынешняя Хэ Ваньцин — не настоящая. Помимо фактов, упомянутых Гу Цином, были представлены портреты Хэ Ваньцин, написанные до ее замужества.

Неважно, насколько реалистичными были эти портреты, Хэ Ваньцин до замужества и Хэ Ваньцин, преобразенная и облагороженная Системой наложницы, — это совершенно разные люди. Если раньше она была просто хорошенькой, то теперь стала красавицей, покоряющей страну. Проще говоря, это как разница между лицом без макияжа и с эффектом фотошопа.

Не говоря уже о других, даже семья Хэ наверняка ощущала эти изменения. Просто они не догадывались, что Хэ Ваньцин подменили, а подсознательно считали, что она естественным образом расцвела, став наложницей. В конце концов, их семья возвысилась почти исключительно благодаря связям Хэ Ваньцин. Сойти с ума они что ли, чтобы сомневаться?

Более того, нашли врача, который когда-то лечил Хэ Ваньцин. Тот заявил, что в детстве она тонула, из-за чего у нее развилась болезнь «холода в матке», а также имелась скрытая травма на левой голени.

Однако в медицинских записях Хэ Ваньцин в Императорской больнице не только не было упоминаний о каких-либо проблемах со здоровьем — она была легка как пушинка, — но и на левой голени не было никаких скрытых травм, да и костная структура была иной.

Кроме того, представили доказательства существования некой реакционной организации. Говорили, что эта еретическая секта существует со времен ранней династии Тан, по счастливой случайности сохранила танец «Цзинхун» той эпохи, а потом как-то связалась с мяоцзянцами, практикующими искусство гусей.

Все это увязали с историей предыдущих династий, так что секту описали со всеми подробностями, со следами и свидетельствами. Осталось только назвать, где находится ее штаб-квартира, кто ее лидер и как она связалась с Хэ Ваньцин.

В конечном итоге все эти тысячи слов свелись к одному: нынешняя Хэ Ваньцин из Дворца Чжаохуа — подменная мятежница.

Ее преступления заслуживают смерти!

После такого шумного представления Гу Цину даже захотелось им поплодировать.

Смотрите-ка, они даже смогли составить примерный график событий. За исключением нескольких намеренно размытых моментов, эта теория была весьма убедительной.

Достаточно было взглянуть на сторонников наследного принца среди придворных: все покрылись холодным потом и побледнели как полотно.

Даже Хэ Бочжэн, который изо всех сил пытался отрицать эти выводы... Другие чиновники, возможно, не были так хорошо осведомлены, но он, как родной брат Хэ Ваньцин, лучше всех знал, какими талантами и какой внешностью обладала его родная сестра. И именно потому, что знал, он был более склонен поверить в это, чем другие сторонники наследного принца.

Хэ Бочжэн: «!!!»

Наследный принц тоже остолбенел и взглядом стал искать спасения у невозмутимо восседающего на троне императора Цзинтая.

Гу Цин, опустив глаза, спокойно наблюдал за происходящим.

Казалось, разыграв эту пьесу, он сам, будучи таким же «воскресшим в чужом теле», не испытывал ни страха, что с гибелью одного пострадают другие, ни сострадания к себе подобным. Возможно, Гу Цин даже думал о том, не сыграет ли кто-нибудь в будущем с ним подобную шутку.

Однако Гу Цин также хорошо понимал: пока нет абсолютной выгоды, подчиненные, даже заметив неладное в вышестоящем, обычно лишь втихомолку его обдумывают. Как семья Хэ в случае с Хэ Ваньцин. Как и сейчас, когда выступают против Хэ Ваньцин — в основе лежит то, что успех против нее принесет им достаточно выгоды, чтобы они действовали так решительно.

Вернемся к теме. Столкнувшись с такими «неопровержимыми» обвинениями, император Цзинтай пришел в ярость:

— Вздор! Сплошной вздор!

— Моя императрица от природы обладает утонченной душой и красотой. Все ваши болтовня о несоответствиях между прошлым и настоящим — не что иное, как доказательство того, что она — небожительница, спустившаяся на землю! Со временем она сбросила старую скорлупу и

обрела нынешнее сияние!

Император Цзинтай продолжал яростно кричать:

— Именно благодаря тому, что Дитя долголетия спустилось на землю, я и узнал об этом. В прошлом я уже сообщал об этом всей Поднебесной, а вы все еще упорствуете в своем заблуждении, стремясь оклеветать императрицу! Я считаю, что именно вы заслуживаете смерти!

Гу Цин в душе тихо вздохнул.

Хэ Бочжэн: «.....»

Наследный принц: «.....»

Чиновники гражданские и военные: «.....»

Честно говоря, это «опровержение» императора Цзинтая вовсе не было опровержением, а скорее еще больше подтверждало предыдущие выводы.

Все говорили, что в прошлый раз история о небожительнице никого не убедила. Как же такие туманные и эфемерные заявления могут сравниться с теорией о подмене Хэ Ваньцин? Это все равно что яйцом о камень бить.

Так что сейчас самое время действовать, пока железо горячо.

Пока Хэ Бочжэн и другие еще не опомнились, чиновники из партии второго принца выступили вперед, сокрушаясь о том, что император Цзинтай ослеплен, и ради стабильности династии Великая Чжоу следует арестовать Хэ Ваньцин из задних покоев, допросить ее, выявить ее сообщников и тем самым уничтожить эту язву, вернув нашей стране Чжоу ясность и чистоту!

— Ваше величество!

С шумом более половины гражданских и военных чиновников опустились на колени.

Постепенно некоторые из оставшихся стоять тоже преклонили колени. Даже среди сторонников наследного принца нашлись один-два слабовольных, которые опустились на колени. В итоге стоящих осталось менее четверти.

Лицо императора Цзинтая то зеленело, то белело:

— Бунт! Бунт!

Если бы Гу Цин и император Цзинтай поменялись местами, то, столкнувшись с такой ситуацией, он бы непременно взял блокнот и записал реакцию каждого чиновника, а затем без колебаний отправил бы этих преклонивших колени на три четверти в темницу.

Конечно, это могло бы спровоцировать кровавый дворцовый переворот. Но, судя по реальной ситуации, старые министры, участвовавшие в этом, давно изучили характер императора Цзинтай и были уверены, что, столкнувшись с такой картиной, он лишь придет в ярость, но не станет немедленно осуждать их.

К тому же есть поговорка: «Закон не может наказать всех».

Гу Цин думал так же.

Эх.

Конечно, то, что происходило в Тронном зале, было лишь вкусной закуской. На всякий случай — по крайней мере, так Гу Цин сказал своим доверенным министрам — у него был запасной план. Им нужно было лишь дождаться его сигнала.

Император Цзинтай, с лицом, искаженным гневом, бросил:

— Хотите стоять на коленях? Ну так стойте!

Оставшаяся небольшая часть тоже опустилась на колени:

— Ваше величество, успокойте гнев!

А император Цзинтай уже ушел.

Наследный принц, не раздумывая, бросился за ним.

Хэ Бочжэн почувствовал, как холодный пот на спине прилип к придворному одеянию, отчего его вдруг бросило в дрожь. Он одеревенело повернул шею, глядя на темную массу коленопреклоненных в Тронном зале, и почувствовал, что мир колеблется у него перед глазами. Он и представить не мог, что ситуация дойдет до такой критической точки. Даже когда император Цзинтай всеми силами продвигал его сестру в императрицы, противников было меньше, чем сейчас стоящих на коленях.

Но действительно ли у второго принца такая смелость?

Хэ Бочжэн, с умом, полным хаоса, размышлял об этом, как вдруг его взгляд встретился со взглядом второго принца, который по-прежнему стоял небрежно и безмятежно.

<http://bllate.org/book/15394/1359549>